

- ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 217 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: СЛОВО, 2000. – 261 с.
 6. An Outline of American History. N.Y., 1994. – 406 p.
 7. Sapir, Ed. Language. An Introduction to the Study of Speech. – N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1949. – 241 p.
 8. Stewart E. Culture of the mind: on the origins of meaning and emotion // Culture in the communication age / ed. J. Lull. L.; N.Y.: Routledge, 2001. – P. 9–30.

I. Sheina
«POLITICAL TOLERANCE» AND ITS
MANIFESTATION IN MODERN AMERICAN

VARIANT OF ENGLISH AS AN EXAMPLE OF
COOPERATION OF LANGUAGE AND COGNITIVE
MECHANISMS

Abstract. In this article the author examines influence of language upon society consciousness, and also some features of operation of mechanism of cognitive adaptation of experiment. These phenomena are analyzed on the material of «political tolerance» in the matter of its manifestation in modern American variant of English.

Key words: linguistic category, language and culture, concept, semantic and morphological structure of word.

УДК 81'23

Борисов П. М.

ВЕРБАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПТА ДЕСТРУКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с вербальной характеристикой концепта деструктивной личности в художественной литературе. Представлены семантические поля, раскрывающие особенности внутренних причин психических заболеваний, внешних причин, приобретенные во время жизненного пути, их течение и последствия в связи со структурой личности. Автор также исследует особенности взаимосвязи вербальной характеристики симптомов болезненных изменений личности в научной литературе и в художественной литературе. П. М. Борисов раскрывает механизмы воздействия личности писателя на особенности характеристики литературных образов. В статье представлен интересный материал исследований известными психiatрами особенностей личности знаменитых писателей, страдающих душевными заболеваниями в связи с вербальной характеристикой личности героев их произведений.

Ключевые слова: концепт, деструктивная личность, семантическое поле, лингвистика, психолингвистика, психиатрия.

В связи с избытком различных видов информации разнообразных стрессов невозможностью реализовать широкий спектр возрастающих потребностей индивида и неадекватных им материальных и морально-психических возможностей у современного человека возникает про-

блема, ведущая к деструктуризации личности. Для раскрытия особенностей деструктивной личности необходимо исследовать понятие концепта деструктивной личности. Наиболее адекватным нашим научным целям, нам показалось определение концепта Нелюбина Л.Л.: «Концепт- это содержание понятия; мысль, представление» [12: 91].

В лингвистическом понимании концепта наметилось три основных подхода.

Во-первых, в самом широком смысле в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации. Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике; основным же исследовательским средством - концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними. В число подобных концептов попадает любая лексическая единица, в значении которой просматривается способ (форма) семантического представления.

Во-вторых, в более узком понимании к числу концептов относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие но-

* © Борисов П. М.

сителей определенной этнокультуры. Совокупность таких концептов не образует конфеттосферы как некое целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть - концептуальную область.

И, наконец, согласно третьему подходу, к концепту относят лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. Метафизические концепты (душа, истина, свобода, счастье, любовь и пр.) - ментальные сущности высокой либо предельной степени абстрактности, они отправляют к "невидимому миру" духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ - знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного. Вот почему концепты последнего типа относительно легко "синонимизируются", образуя "концептуализированную область", где устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими смыслами и явлениями предметного мира, отраженными в слове, где сопрягаются духовная и материальная культуры [2: 69].

Как частный случай данного феномена нами был рассмотрен концепт деструктивной личности. Под деструкцией понимается нарушение или разрушение нормальной структуры чего - либо [13: 137], а деструктивная личность - это личность, действующая по соответствующей (прорывной, маргинальной, разрушающей) бессознательной или деструктивной программе ("с разрухой в голове" - по словам известного Булгаковского героя - профессора Преображенского), создающая вокруг себя деструкцию, т.е. разрушение. С точки зрения клиники - это тип возбудимого (враждебного) психопата (социопата), неспособного конструктивно реализовать себя в социуме и адаптироваться к нему, из-за чего он действует "напролом", пытаясь "прогнать под себя" "изменчивый мир", не ограничивая себя в средствах (вплоть до теракта или ядерного шантажа). При этом он может страдать сам, но чаще заставляет страдать других (от членов семьи, подчиненных и сослуживцев на работе до всей страны - если такая личность становится руководителем государства или даже всего мира - если это лидер государства или террорист, стремящийся к мировому господству). Иными словами, деструктивность социума также является производной количества составляющих его деструктивных личностей, причем, превышение

пороговой величины этой деструктивности ведет к необратимым социальным последствиям (войны, гибель цивилизаций или человечества в целом).

В более мягком проявлении - это тип широко распространенного активного манипулятора, замечательно описанного Эвереттом Шостромом в его книге «Человек-манипулятор - внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации» [23]

Вербальная характеристика концепта выражается лексическими и фразеологическими единицами (ЛЕ, ФЕ). Мы представили вербальную характеристику концепта деструктивной личности в форме семантического макрополя деструктивной личности. Ввиду того, что языковые единицы хранятся в гностических зонах мозга в форме семантических полей, это повышает эффективность сохранения и воспроизведения лексических и фразеологических единиц. Выделенное нами семантическое поле исследовано в единстве лингвистического, психолингвистического, психологического и психиатрического аспектов [19].

Мы рассмотрели основные понятия семантики, необходимые для исследования концепта деструктивной личности, которые были изложены в работах Л. Л. Нелюбина [12] А. В. Кунина [9] и В. Г. Гака [3], Д. Н. Шмелева [22], В. А. Звягинцева [7]. Наиболее адекватным нашим научным целям мы сочли определение семантического поля Л. Л. Нелюбина: «*Семантическое поле* – совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд; слова и выражения языка, в своей совокупности, покрывающие определенную область знаний. Создание семантического поля в памяти человека - необходимое условие свободного общения в соответствующей области» [12: 191].

Чешский лингвист В. Скаличка ввел термин «сема» для обозначения микроэлемента плана содержания. Семы, таким образом, - своего рода «атомы» значения, входящие в состав макроэлементов - аспектов значения. Семы можно определить как микроэлементы значения, обозначающие реальные или воображаемые признаки денотатов.

Определяя понятие «сема», В.Г. Гак [3] выделяет три типа сем: *архисемы* (общие семы родового значения), *дифференциальные семы видового значения* и *потенциальные семы*, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта.[9: 219]

Денотат является экстралингвистическим понятием. Согласно определению А. В. Кунина,

денотат - это объект познавательной деятельности людей (человек, предмет, процесс, действие, состояние, ситуация и т.д.). Признаки денотата, выделенные в результате абстрагирующей деятельности мышления и зафиксированные в единицах языка, находят отражение в словарных дефинициях. [9: 206]

Коннотация – семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект. [9: 208].

В.Г. Гак подчеркивает, что в более широком контексте любая из отмеченных сем может актуализироваться, выйти на первый план, включиться в сему высказывания, тогда как другие семы, отражающие уже известные или безразличные для говорящих аспекты явления, теряют коммуникативную значимость, отходят на второй план («погашаются») и могут совсем исчезнуть из семантической структуры слова [3].

Например, ФЕ (*as*) **mad as a March hare/ as a hatter** означает **ill in the head, insane, completely mad**- сумасшедший, спятивший; не в своем уме; совсем ума лишился. Это значение является сигнификатом ФЕ, денотативный аспект - отклоняющееся поведение (поступки, речь и т.д.) больного человека, коннотативный аспект - экспрессивность, создаваемая образностью. Архисема – mad, madness- факт помешательства. Дифференциальная сема – schizophrenia- шизофрения. К потенциальным семам относятся различные побочные характеристики симптомов помешательства, встречающиеся и контексте.

Proserpine. He's mad. Burgess. Mad! What!

Proserpine. **Mad as a March hare**. He did frighten me. (B. Shaw, 'Candida', act 2) Прозерпина он не в своем уме. Берджес. Не в своем уме? Как, и он тоже?

Прозерпина: Просто одержимый. Он так напугал меня...[10: 597]

Потенциальная сема в данном контексте раскрывает эмоцию страха, вызванную неадекватным поведением указанного персонажа.

Современный этап в развитии общей психопатологии связан с учением И. П. Павлова. В противовес чисто психологическому пониманию сущности проявления и природы психических заболеваний, И.П. Павловым выдвигается их физиологическое обоснование. Своими исследованиями он показывает, что в основе психической деятельности лежит рефлекторная деятельность,

физиологическая и психическая одновременно. И. П. Павлов на основе своих исследований пытался охарактеризовать ряд психопатологических синдромов, таких как: галлюцинаторно-параноидные состояния, аффективные расстройства и т.д. Следовательно, павловское учение противостояло с момента своего возникновения всем чисто идеалистическим направлениям, которые стали господствующими в психиатрии. Современная зарубежная психопатология является в значительной мере эклектической. Ряд современных зарубежных психопатологов говорят о том, что сущность и природу психических расстройств можно понять только на основе положений идеалистической философии (неофрейдизм, экзистенциализм и т. д.). Другая группа психиатров пытается эклектически соединить павловское учение с фрейдизмом, мозговую патологию с павловским учением или с тем же фрейдизмом и т.д. К ним относятся С. Грофф, французский психиатр Анри Эй и др. [14: 13].

В большинстве современных классификаций психических болезней приводятся три основных вида патологии психики:

- 1) эндогенные психические болезни, в возникновении которых участвуют экзогенные факторы;
- 2) экзогенные психические болезни, в возникновении которых участвуют эндогенные факторы;
- 3) состояния, обусловленные патологией развития.

Эндогенный - термин, введенный в психиатрию Мёбиусом в 1893 г. с целью провести этиологическую клиническую классификацию тех психических расстройств, которые обусловлены наследственными и конституциональными факторами, имеющими отношение к соматической центральной нервной системе. Однако существует мнение, что точные значения понятий *эндогенности* и *экзогенности* являются слишком произвольными, чтобы обеспечить более, чем предварительные разграничения. Причинно-следственные отношения в двух основных группах психических болезней — эндогенных и экзогенных — не абсолютно противоположны. Экзогенные факторы (инфекции, интоксикации, травмы, психогении, социальные вредности) в том или ином виде участвуют в возникновении или течении эндогенных психических заболеваний, предрасполагая к ним, провоцируя болезненный процесс, видоизменяя и отягчая его развитие. В свою очередь, эндогенные факторы также участвуют в возникновении и течении всех экзогенных психозов. Экзогенные психозы

возникают, как правило, не у всех подверженных той или иной вредности (инфекция, интоксикация, травма, психогения), а у некоторых конституционально предрасположенных людей при скрытой готовности к возникновению психоза.

Приводимая ниже классификация психических заболеваний, данная в курсе «Общей психиатрии» под редакцией А.С. Тиганова [17], весьма условна, что связано в первую очередь с недостаточностью знаний об этиологии и патогенезе многих психических расстройств. От многих зарубежных классификаций ее отличает *нозологический принцип построения* (заболевание выделяется на основе установленной причины (этиология), особенностей развития (патогенез), типичных внешних проявлений и характерного поражения органов и тканей).

В приводимой ниже систематике выделены промежуточные группы заболеваний - эндогенно- органическая и экзогенно- органическая. В группу эндогенно - органических заболеваний, с одной стороны, включены болезни типа эпилепсии, которую в рассматриваемом аспекте с равным успехом можно отнести и к эндогенным, и к экзогенным заболеваниям. Однако в ее основе лежит органический мозговой процесс, проявляющийся клинически достаточно очерченным эпилептическим синдромом, что позволяет на современном этапе выделять эпилепсию как единую болезнь. С другой стороны, в эту группу включены заболевания, характеризующиеся, прежде всего развитием органического процесса в мозге, генез которого в значительной степени обусловлен эндогенными (генетическими) механизмами. К этой группе отнесены атрофические процессы, особые формы психозов позднего возраста, сосудистые заболевания, а также системные наследственные формы патологии головного мозга.

В группу экзогенно-органических болезней входят заболевания, в развитии которых большую роль играют внешние факторы, но генез болезни в целом, ее клинические проявления и особенности течения определяются в основном формированием органического мозгового процесса.

Группа экзогенных заболеваний объединяет психические расстройства, в генезе которых существенную роль играют немозговые биологические факторы — общие заболевания организма, при которых мозг поражается наряду с другими органами, расстройства, обусловленные вредностями внешней среды (интоксикации, инфекции). Биологический характер этих вредностей позволяет отделить указанные заболевания

от психогенных расстройств [15, 11].

Все перечисленное составляет основу предметности приводимой ниже классификации А. В. Снежневского. Вместе с тем, новые научные данные, накопленные за два десятилетия, позволяют представить несколько измененную систематику. Она отражает как расширение знаний в области клинической психиатрии, так и сближение точек зрения отечественных специалистов с некоторыми концепциями зарубежных психиатрических школ. Нужно заметить, что такое сближение происходило на основе интенсификации международного сотрудничества в области клинической и биологической психиатрии.

На основании классификации психических заболеваний, приведенной выше, учитывая частоту употребления лексических (ЛЕ) и фразеологических единиц (ФЕ), характеризующих деструктивную личность и её психопатологию в проанализированных лексикографических и фразеологических источниках, а также художественной и научной литературы на английском и русском языках. Мы описали следующую структуру семантического макрополя, представляющего концепт деструктивной личности. Он состоит из взаимосвязанных микрополей, включающих семантические группы и подгруппы лексических и фразеологических единиц (ЛЕ, ФЕ).

Структура семантического макрополя, представляющего вербальную характеристику концепта деструктивной личности.

I. Микрополе причин психических заболеваний

1) Внутренние причины заболеваний (эндогенные причины).

1. Генетические, т. е. наследственные:

а) Наличие психических заболеваний у родителей и других родственников, а также алкоголизма и наркомании (ниже мы проанализируем это на примере произведения Ш. Бронте «Джейн Эйр»);

б) Травмы центральной нервной системы (головы, позвоночника у родственников);

с) Личностные особенности: личностные подструктуры и их детерминанты. Наиболее часто влияние акцентуаций (проанализируем на примере художественных произведений Ф. Достоевского, Н. Гоголя, А. Чехова ниже).

2) Внешние причины (экзогенные), приобретенные во время жизненного пути:

а) Неблагоприятное влияние социальной среды (мы проанализируем ниже на примере произведений А. П. Чехова, Н. В. Гоголя);

б) Отрицательное влияние экологии: загрязнение атмосферы, ионизирующая радиация,

пожары; Плохой климат: жара, холод, пустыня, болота. (например: произведение А. С. Пушкина «Медный Всадник»). Герой заболел шизофренией вследствие наводнения, разрушения которого потрясли душу главного героя).

II. Микрополе видов психических заболеваний. Ниже мы их перечислим и детально проанализируем.

III. Микрополе процесса течения психических заболеваний. Ниже мы проанализируем это микрополе на материале произведений художественной литературы.

IV. Микрополе последствий психических заболеваний.

1) Личностная полная (частичная) деградация, вследствие чего больного либо изолируют в психиатрические учреждения, либо используют в особо опасной для жизни деятельности, например, при добыче руды, связанной с облучением, либо в особо опасных военных действиях. Возможно использование психических больных для экспериментов, связанных с исследованием лекарств и пересадкой внутренних органов или частей тела психически здоровым людям.

2) Клиническая и тотальная биологическая смерть психически больного человека.

3) Иногда возможна ремиссия (просветление) в ходе психического заболевания вследствие нетрадиционных воздействий или успешного лечения. Эта ремиссия приводит к выздоровлению, в результате которого бывший больной может в личностном плане стать значительно лучше и глубже, чем до болезни. Хотя очень часто через отрезок времени после выздоровления психическое заболевание возвращается.

4) Результат полной деградации личности в духовном и биологическом плане возможен не только вследствие психического заболевания, но и вследствие интеркуррентных воздействий, т.е. снижения интеллекта, изменения цели жизни, прекращения профессиональной деятельности (уход на пенсию), безответной любви, развода, смерти близкого. Например, доктор Старцев, герой рассказа А. П. Чехова «Ионыч», вследствие безответной любви и отрицательного воздействия социума поставил цель жизни - обогащение, т.е. только получение денег от пациентов. Он потерял интерес к жизни, профессионализм, растолстел, стал страдать потерей памяти. Профессионально - личностная деградация постигла художника Чарткова, героя произведения Н. В. Гоголя «Портрет», [5], который случайно нашел деньги, разбогател, потерял интерес к профессии и жизни, т.е. произошла смена творческих ориентиров на потребительские.

Под интеркуррентным воздействием мы понимаем воздействие неожиданно среди полного здоровья или ввиду соматического сдвига (заболевание биологическое – грипп и др.), воздействия социума (безответная любовь, неожиданная телеграмма), нарушение гомеостаза (равновесия) организма, вызывающая возникновение психического заболевания или его реакций. Например, это мания преследования у Громова, героя повести А. П. Чехова «Палата №6», а также возникновение мании величия, деменции и деструктивного воображения у героя произведения Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего».

Остановимся на анализе самого частотного семантического микрополя, представляющего вербальную характеристику концепта деструктивной личности, микрополя видов психических заболеваний.

В качестве примеров мы приведем только наиболее частотные лексические и фразеологические единицы, характеризующие психические заболевания.

Семантическое микрополе видов психических заболеваний.

Лексические единицы, обозначающие научные термины, наиболее частотно характеризующие психические заболевания.

Психопатия

1. Агрессивно-параноидная психопатия, астеническая психопатия, бесчувственная психопатия, гипотимическая психопатия, дистимическая психопатия, истерическая психопатия, органическая психопатия, паранойальная психопатия, реактивно – лабильная психопатия,

сенситивная психопатия, сутяжная психопатия, циклотимическая / циклоидная психопатия, шизоидная психопатия, эпилептоидная психопатия. С. Астенический психопат, возбудимый психопат, истерический психопат, паранойальная психопат, психопат – гипертим, психопат – гипотим.

Шизофрения

1. Амбулаторная шизофрения, гебоидная шизофрения, гебоидофрения, гипертоксическая шизофрения, кататоническая шизофрения, медленно текущая / малопрогрессирующая шизофрения, непрерывно-прогрессирующая шизофрения, острая шизофрения, параноидная шизофрения,

Psychopathy

1. Aggressively – paranoid psychopathy, asthenic psychopathy, insensible psychopathy, hypothymic psychopathy, dysthymic psychopathy, hysterical psychopathy, organic psychopathy, paranoic psychopathy, reactively labile psychopathy, sensitive psychopathy, litigious psychopathy, cyclothymic / cycloid psychopathy, schizoid psychopathy, epileptoid psychopathy. S. Asthenic psychopath, excitable psychopath, hysterical psychopath, paranoic psychopath, hyperthymic psychopath, hypothymic psychopath.

Schizophrenia

1. Ambulatory schizophrenia, heboid schizophrenia, heboido – phrenia, hypertoxic schizophrenia, catatonic schizophrenia, slow / slightly progredient schizophrenia, continuously progredient schizophrenia, acute schizophrenia, paranoid schizophrenia,

парафреническая шизофрения, периодическая / рекуррентная шизофрения, приступообразно-прогредиентная	paraphrenic schizophrenia, periodic[al] / recurrent schizophrenia, paroxysmal prodromal schizophrenia,	chosis, посттравматический психоз, реактивный психоз, старческий психоз.	post – traumatic psychosis, reactive / psychogenic psychosis, senile psychosis, senile dementia.
шубообразная шизофрения, простая шизофрения, скрытая / латентная шизофрения, циркуляторная шизофрения, ядерная / галопирующая шизофрения.	simple schizophrenia latent schizophrenia circulatory schizophrenia nuclear / galloping schizophrenia. Schizophrenic; simultaneously to experience contradictory feelings to-	Алкоголизм 1. Привычный алкоголизм, симптоматический алкоголизм, хронический алкоголизм, алкогольная болезнь, алкогольная токсикомания, этилизм, 2. алкогольная деменция, алкогольная депрессия, алкогольная интоксикация, алкогольная эпилепсия, алкогольная энцефалопатия, алкогольное опьянение, алкогольные напитки, алкогольный бред ревности, алкогольный галлюциноз, алкогольный делирий, белая горячка, дромомания (алкогольное бродяжничество) алкогольный бредовый психоз, алкогольный псевдопаралич, амнезия опьянения, бессонница алкоголиков, агривния воздержание от употребления алкогольных напитков; абстиненция, патологическое опьянение, похмельное состояние, эпизодическое чрезмерное пьянство, дипсомания, запой.	Alcoholism 1. Habitual alcoholism, symptomatic alcoholism, chronic alcoholism, alcoholic disease, alcoholic tox[ic]omania, ethylism, alcoholic dementia, alcoholic depression, alcoholic intoxication, alcoholic epilepsy, alcoholic encephalopathy, drunkenness, alcoholic drinks, alcoholic delirium of Jealousy, alcoholic hallucinosis, delirium tremens, dromomania, dromomania, alcoholic delirium psychosis, alcoholic pseudoparalysis, amnesia of alcoholic intoxication, insomnia of alcoholics, agrypnia from alcohol abstinence, pathological alcoholic intoxication, hangover, episodic excessive hard drinking, dipsomania, drinking bout / period. 3. To abuse alcohol / alcoholic drinks to use alcoholic drinks.
Больной шизофренией; испытывать одновременно противоречивые чувства к близким, амбивалентность, wards relatives, ambivalence, острый шизофренический эпизод.	acute schizophrenic episode.		
Эпилепсия 1. Абдоминальная эпилепсия, алкогольная эпилепсия, большая эпилепсия, височная эпилепсия, детская / инфантильная эпилепсия, джексоновская эпилепсия, диэнцефальная эпилепсия, дневная эпилепсия, инсулярная эпилепсия, эпилепсия Кожевникова, криптогенная / генуинная / эссенциальная эпилепсия, «малая» эпилепсия, мягкая эпилепсия, ночная эпилепсия, посттравматическая эпилепсия, психическая / бессудорожная / ларвированная / скрытая эпилепсия, рефлекторная / сенсорная эпилепсия, семейная эпилепсия, симптоматическая эпилепсия, тяжелая эпилепсия, утренняя эпилепсия, функциональная эпилепсия. 2. большой эпилепсией, большой судорожный припадок, кратковременный приступ расстройства сознания, длящийся секунды без судорожного компонента, абсанс, малый припадок судорога (и), клонические (тонические), судоро – эпилептический автоматизм, эпилептический припадок, предчувствие эпилептического припадка, аура, эпилептический статус.	Epilepsy 1. Abdominal epilepsy, alcoholic epilepsy, big epilepsy, temporal epilepsy, infantile epilepsy, jacksonian / cortical epilepsy, diencephalic epilepsy, day epilepsy, insular epilepsy, Kojevnikov epilepsy, cryptogenic / genuine / essential epilepsy, “minor” epilepsy, soft epilepsy, night / nocturnal epilepsy, post- traumatic epilepsy psychic / nonconvulsion larval / latent epilepsy, reflectory / sensory epilepsy, family epilepsy, symptomatic epilepsy, severe epilepsy, morning epilepsy, functional epilepsy. 2. Epileptic major spasmodic seizure / fit / attack short – term disturbance of consciousness lasting for some seconds without fits, epileptic absence minor seizure, petit mal contractions clonic (tonic) contractions, epileptic automatism, epileptic seizure, foreboding of an epileptic seizure aura, epileptic status, status epilepticus.	3. Злоупотреблять алкогольными напитками, употреблять алкогольные напитки.	Alcoholic intoxication 1. Acute alcoholic intoxication drunkenness systematic alcoholic intoxication chronic alcoholic intoxication.
Психоз 1. Алкогольный психоз, инволюционный / пресенильный психоз, интоксикационный психоз, кардиогенный психоз, корсаковский психоз, маниакально – депрессивный психоз, послеоперационный психоз, послеродовой психоз,	Psychosis 1. Alcoholic psychosis, involutional / presenile psychosis, toxic psychosis, cardiogenic psychosis, Korsakoffs psychosis, maniacal – depressive psychosis, postoperative psychosis, postnatal / puerperal psy-	Фразеологические единицы, наиболее частотно, характеризующие душевные забо- левания деструктивной личности. Семантическая группа эндогенных психи- ческих заболеваний содержит следующие под- группы фразеологических единиц. - Шизофрения - ЛЕ и ФЕ, характеризую- щие личностные особенности больных шизофре- нией, неадекватность, аутизм, фантазирование, вытеснение, мании. Например, a lone wolf - «волк одиночка», человек, действующий в одиночку. How can you hope to gain happiness? Don't be a lone wolf . Publish your results- (H. G. Wells, 'The Invisible Man', ch. 24) Разве это может принести счастье? Зачем	

вам действовать в одиночку? Опубликуйте ваше открытие... [10: 1071]

See double = двоиться в глазах

Malon hit me on the back so hard that I **saw double** for two or three seconds. (E. S. Gardner, 'Pass the Gravy', ch. 11)

Мелон так сильно хлопнул меня по спине, что две-три секунды у меня двоилось в глазах [10: 850].

(live in) A fool's paradise - нереальный мир, мир иллюзий, призрачное счастье, блаженное неведение

'Most of the people I meet here these days seem to be **living in a fool's paradise**—' 'Now, Mr. Golspie,' cried his hostess, with desperate vivacity, 'you're not to call us all fools.' (J.B. Priestley, 'Angel Pavement', ch. 3)

Большинство людей, которых я встречаю здесь в последнее время, на мой взгляд, живет иллюзиями. Они создали себе какой-то рай для дураков... - Ах, мистер Голспи, - с наигранной живостью перебила его хозяйка дома, - вы не имеете права называть всех нас дураками [10: 713].

- **Аффективные заболевания. Маниакально-депрессивный психоз.**

The black dog is on one's back (have a black dog on one's back) хандрить, находиться в состоянии уныния, меланхолии

He did not seem to be enjoying his luck... **The black dog was on his back.** (R.L. Stevenson, 'New Arabian Nights', ch. II)

Казалось, удача не радовала его... Он впал в меланхолию [10: 257].

Fools rush in where angels fear to tread *посл.* «дураки спешат туда, куда ангелы и ступить боятся», = дуракам закон не писан (выражение создано А. Попом (A. Pope, 1688 - 1744): .. there they'll talk you dead; For **fools rush in where angels fear to tread.** ('Essay on Criticism', part 3, 1707)

I have heard that **fools rush in where angels fear to tread**, but in the case of my brother Theodor it would be more accurate to say that he leaps in where God Almighty crawls! (Th. Wolfe, 'The Hills Beyond', ch.V)

Я слышал пословицу: дураки спешат туда, куда ангелы и ступить боятся. А про моего брата я бы сказал: он сломя голову мчит туда, куда и сам господь-то на карачках ползет [10: 352].

2. Семантическое микрополе экзогенных психических расстройств содержит следующие группы значений ФЕ и ЛЕ, характеризующие **алкоголизм**: Например:

Drunkenness reveals what soberness conceals *посл.* = что у трезвого на уме, у пьяного на языке [10: 896].

Under the influence (of alcohol)- под влиянием винных паров в состоянии алкогольного опьянения

Brandy had something to do with the accident, Dinny said. The driver of the car protested that the lady was "**under the influence**": stopped, swayed unsteadily, then ran forward when he tried to pass her. (K. S. Prichard, 'Golden Miles', ch.42)

По словам Динни, и в этом несчастном случае был повинен коньяк. Шофер утверждал, что дама была «в подпитии»: остановилась, пошатываясь. А когда он хотел объехать ее, кинулась вперед [10: 510].

- **Наркомания.**

Get one's brains fried находиться под действием наркотика. He can't make a coherent sentence any more - he's **got his brains** tried.

Он оглушен наркотиками - не может связать двух слов [10: 107].

Blow one's/sb's mind *разг.* 1) доводить себя или кого-либо наркотиками до галлюцинаций, «ловить кайф» (отсюда mind-blowing вызывающий галлюцинации, mind-blower галлюциногенный наркотик или наркоман, который его употребляет)

'In this place', said the soldier with a grin, 'you can **blow your mind** every night of the year.'

Здесь вы можете хоть каждый вечер дурманить себе мозги наркотиками, - ухмыльнулся солдат [10: 634].

3. Семантическая группа пограничных психических нарушений содержит следующие семантические группы ФЕ и ЛЕ характеризующие **тревожно – фобические состояния**

Be off one's balance/lose one's balance потерять душевное равновесие, утратить душевный покой, нервничать

He had **lost his balance** so completely that she was prepared to any rashness. (W.S. Maugham "The Magician", ch.16)

Артур больше не владел собой, и Сузи была готова к любой его выходке [10: 49].

A bundle of nerves комок нервов

I laughed, 'You haven't got any nerves', I told him. 'I am a **bundle of nerves**', he said and grinned. (R.P. Warren 'All the King's Men', ch. I) [10: 119]

-**Обсессивно - компульсивные нарушения.**

Шизофрения

A fixed idea навязчивая идея

.. he was as if gnawed at inwardly—in a word, he already had a **fixed idea**. (J. Galsworthy, ‘Caravan’, ‘The Dog It Was that Died’)

.. он производил впечатление человека, которого что-то грызло изнутри; одним словом, им овладела навязчивая мысль [10: 506].

Get/take it into one’s head (that, to do sth.) вбить, забрать себе в голову, вообразить (что...)

Well, he’s suddenly **taken it into his head** that I’ve been making more money than is good for me. (C.P. Snow, ‘The Conscience of the Rich’, ch. 24)

Знаете ли, мистер Порсон вдруг вообразил ни с того ни с сего, что я зарабатываю слишком много, гораздо больше, чем мне надо на жизнь [10: 453].

- Расстройства личности психопатии

Be off one’s nut жарг. спятить, рехнуться, свихнуться

You must think I’m clean **off my nut**—don’t blame if you do—but I’m not. (J.B. Priestley, ‘The Doomsday Men’, ch.4)

Должно быть. Вы думаете, что я спятил. Я вас не виню, но я, слава богу, в своем уме [10: 692].

Drive sb. nuts жарг. сводить кого-либо с ума

‘Comb your hair back, Perry, it’s **driving me nuts**’, Drake complained. (E.S. Gardner, ‘The Case of the Sleepwalker’s Niece’, ch.XV)

- Причеси волосы, Перри. Спятить можно от твоей прически, - пожаловался Дрейк [10: 692].

- Патология психического развития

As silly as a goose/as a sheep, австр. as a bag/hatful/tin of worms/as a cut snake/as a two-bob watch/as wheel разг.= глуп как пробка

If invited to “get in for your cut” (=your share of anything) it is advisable to get in for it. Otherwise you are likely to “miss out”. In which case you’ll be as “**silly as a cut snake**”. (J. O’Grady, ‘Aussie English’)

Если вам предлагают вашу долю, берите ее. Иначе останетесь с носом, а это уж совсем глупо. [10: 882].

Cousin Betty уст. разг. слабоумная, дурочка

I do not think there is a man living that can say Forster’s wronged him of a penny, or gave short measure to a child or **cousin Betty**. (E. Gaskell, ‘Sylvia’s lovers’, ch. XIV)

По-моему, нет на свете человека, который сказал бы, что Фостер обманул его на пенни, обвешал ребенка или слабоумную [10: 207].

Проанализировав семантическое микрополе видов психических заболеваний, мы перейдем

к анализу семантического микрополя вербальной характеристики процессов течения психических заболеваний и их последствий в художественной литературе.

Проанализируем великолепную, яркую, вербальную характеристику течения шизофрении у героя повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Именно такая, представленная в повести, необыкновенно реалистичная характеристика героя, возможно, обусловлена психическим заболеванием Н. В. Гоголя, которое проанализировано известным психиатром В. Ф. Чижом в его книге «Болезнь Н. В. Гоголя» [21].

Великий русский критик В. Г. Белинский в знаменитом «Письме к Гоголю», а затем в письме к А. Т. Аксакову высказал мысль: «Имел утешение думать, что Гоголь на некоторых предметах помешался». Автор ставит задачу себе: «Глубокое уважение, как к самому Гоголю, так и к этим двум благородным пионерам нашего просвещения обязывает психиатра ответить на вопрос, так категорически поставленный Белинским, объяснить насколько был прав идеально честный Аксаков» [21: 3]. В. Ф. Чиж пишет: «Только теперь, после свыше двадцати пятилетнего изучения, психиатрии и продолжительных занятий литературой о Гоголе, я решаюсь высказать мои соображения о болезни Гоголя. Полагаю, что мой труд не окажется лишним после исследований доктора Баженова уже потому, что, соглашаясь, в общем с доктором Баженовым, я, кроме того, что высказано было этим автором, нахожу в Гоголе много патологических проявлений». [21: 5]. «Точный, определенный диагноз болезни Гоголя, по – моему мнению, не имеет большого значения. Да, и едва ли возможен. В современной психиатрии нет не только общепризнанной классификации, но даже номенклатуры болезней, а потому в зависимости от школы, к которой принадлежат психиатры, отличных воззрений, ставятся несколько различные диагнозы» [21: 5]. В. Ф. Чиж делает попытку все – таки поставить этот диагноз: «Да и какое значение имеет такой диагноз; в самом деле, не все ли равно, страдал ли он периодической меланхолией, или круговым помешательством, или наследственным помешательством (folie hereditaire) в смысле Мореля, или, как теперь говорят, дегенеративным помешательством» [21: 5]. Да, действительно шизофреники кончают дегенеративным помешательством.

В современной психиатрической классификации термином «периодическое помешательство» обозначают циклическую форму шизофрении или шизофренический вариант МДП (маниакально – депрессивного психоза).

«Прежде всего, - пишет В. Ф. Чиж. Нужно выяснить состояние здоровья его родителей и, определить унаследованные свойства его организации» [21: 6]. Мать родила Н. В. Гоголя в 15 лет. Она была человеком с глубоким внутренним миром, с невропатическим характером. Она горячо любила сына, но ввиду непрактичности (покупала много ненужных вещей), несмотря на то, что сын очень бедствовал, часто голодал. Отец очень рано умер от туберкулеза, и мать в 32 года стала вдовой. От матери Н. В. Гоголю передались смена настроения, вялость, сменяющаяся подвижностью, мечтательностью. Меньшее значение, меньшее влияние на Гоголя оказали такие черты характера М. И. Гоголь, его матери, как мнительность и подозрительность.

«Весьма возможно, - пишет В. Ф. Чиж. Что слабое телосложение Н. В. Гоголя, его хилое здоровье указывают, что молодость матери может быть причиной вырождения и слабости здоровья потомства» [21: 13].

Можно предположить, что слабая нервная организация Н. В. Гоголя могла быть проявлением астенического синдрома невротоподобной (простой) формы шизофрении.

Впоследствии В. Ф. Чиж стал склоняться к диагностике параноидной формы шизофрении у Н. В. Гоголя.

Уже в отрочестве и в юном возрасте в Гоголе стал поражать странный склад его характера, который проявлялся в равнодушии к знаниям при хороших способностях, отсутствие интереса к женщинам.

По мнению В. Ф. Чижа: «Непонятная, неизвестная Гоголю любовь могла ему казаться таинственной, чудной силой, способной понудить казака Андрия изменить казачеству и религии» [21: 30].

В. Ф. Чиж указывает также на немотивированные поступки Н. В. Гоголя. Таким поступком он считает, например, внезапную, импульсивную поездку в Испанию, после которой он ничего не помнил и не мог дать ясного отчета, куда и когда он ездил. Так было несколько раз. В. Ф. Чиж считает также, что проявлением психической болезни, и в частности, параноидальной формы шизофрении, является его желание стать заведующим кафедрой в Киевском Университете, несмотря на то, что лекции он плохо читал, о чем писали студенты в своих жалобах к руководству ВУЗа. Его неадекватность притязаний (мания величия) складывались также в том, что он развил маниакальную деятельность для добывания должности заведующего кафедрой вплоть до обращения к А. С. Пушкину.

Возможно, эти особенности шизофрении, которыми страдал сам писатель, помогли ему так образно и реалистично вербально охарактеризовать процесс течения и последствия шизофрении у Поприщина, героя произведения Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего», произведение, которое с увлечением и интересом мы все читаем даже в 21 веке.

Еще 3 октября «начальник указал А. Поприщину, что у него в голове ералаш». Начальник основывался, на том, что Поприщин «метается, как, угорелый, путается в разговоре, в рукописи руководящей бумаги, которую он писал по указанию начальника, в титуле поставил маленькую букву вместо заглавной». Кроме возбужденности и отсутствия деловой нацеленности на работу начальник заметил некоторое перевозбуждение Поприщина и озлобленность. Поприщин жаловался «на окружающих людишек, которые раздражали» Поприщина тем, что занимались каким – то делом. Поприщину не нравился внешний вид окружающих «рожа такая, что плюнуть хочется». Раздражала Поприщина и деликатность разговора: «С виду такой тихенький, говорит так деликатно: «Одолжите ножечка починить перышко, - а так обчистит, так, что только одну рубашечку оставит на просителе»» [4: 224]. Поприщин давно бы оставил департамент, но ему нравилась обстановка – «зато служба благородная, чистота во всем, столы из красного дерева и все начальники на вы» [4: 224]. Обходя прохожих, Поприщин обратил внимание, что у женщин велика страсть до всяких тряпок, хотя одежда на них была старого фасона и запачкана. Насмотревшись, Поприщин увидел, что хозяйка вела диалог с маленькой собачкой по кличке Меджи. Он услышал, что собачка говорит по – человечески. Возможно, это была галлюцинация, но Поприщин это рационализировал по – своему: «На свете уже случалось множество подобных примеров. В Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на каком-то странном языке, что ученые уже три года стараются определить и до сих пор ничего не открыли. Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю. Это меня удивило. Признаюсь, с недавнего времени я начинаю слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видел и не слыхивал» [4: 226].

По – видимому, следует признать, что Поприщин испытывал слуховые галлюцинации. Из последующего общения между начальником отдела и Поприщиным нарастает раздражительность и невнимательность Поприщина. Так мы узнаем, что пока Аксентий Иванович Поприщин пил чай он не заметил как барин – начальник

уже уехал из дома. Внимание его продолжало колебаться и в голову пришли чьи – то стишки: «Душеньки часок не видя, думал, год уж не видал; жизнь мою возненавидя, лъзя ли жить мне я сказал» [4: 229]. Мы видим, что «ералаш в голове» Поприщина, замеченный начальником, продолжается. Это взбесило нашего героя. На вопрос начальника: «Скажи, пожалуйста, что ты делаешь»? Он ответил: «Нет, я ничего не делаю» – отвечал я тут начальник начал читать нотацию: «Ну, размысли хорошенько, тебе уже за сорок лет – пора бы уже ума набраться. Что ты воображаешь себе? Ты думаешь я не знаю всех твоих проказ? Ведь ты волочишься за директорской дочерью. Ну, посмотри на себя, подумай только что ты? Ведь ты нуль больше ничего. Ведь у тебя нет гроша за душой. Взгляни хоть в зеркало на своё лицо. Куды тебе думать о том! Черт возьми! Лицо похоже несколько на аптекарский пузырек, да на голове клочок, завитый хохолком, так уже думает, ему одному только все можно» [4: 229]. Все эти замечания взаимно разозлили обоих участников диалога. В дальнейшем они не замечали друг друга. В сердце обиженного Поприщина все сильнее разгоралась безответная любовь к дочери генерала директора департамента. Зная, что его шансы на общение с ней невелики, он решил узнать получше её при общении с её собачонкой Меджи. Вспомнив, что он подслушал разговор Меджи с другой собачонкой и узнал об их переписке, он достал их письма и ознакомился с ними. То есть мы видим, что бред становится все глубже и глубже. Из писем он узнал, что его возлюбленная выходит замуж по взаимной любви за богатого камер-юнкера и при этом все счастливы: и девица, и генерал и камер – юнкер. Это вызывает отчаяние у нашего нищего чиновника. Он возмущен своим положением и бедностью. Прочитав в газете, что в Испании нет короля, он неожиданно был осенен открытием, что он и есть испанский король и перед ним открываются гигантские перспективы. Он 3 недели не был в департаменте, затем он пошел туда и вместо своей обычной подписи поставил новую: «Фердинанд VIII». Но перед этим он из своего нового мундира, сделал королевскую мантию. И так как он страстно ожидал депутатов парламента Испании, то приехавших за ним сотрудников дома для душевнобольных он принял именно за испанских депутатов, прибывших за ним в Мадрид февруарий тридцатый» [4: 249]. Удары палкой санитаря психиатрической больницы, он принял за народный обычай благословения на рыцарство, а то, что его налысо постригли, он тоже принял за ритуал, предшествующий восхождению

на трон. Остальных лысых душевнобольных он принял за грандов и солдат. И только лишь тогда, когда обращение с ним стало совсем жестоким и невыносимым: его били палками и лили на голову холодную воду, его осенило, что он, король, попал в руки инквизиторов, в частности Великого Инквизитора, которым он называл врача. Его бред, как мы видим, пропитан, свойственными шизофреникам психологическими защитами, фантазированием и вытеснением нацеленными на уменьшение стресса, который принесла ему объективная действительность. И он, маленький человек, душевно больной шизофреник, пропитался манией величия, чтобы совершить защитное бегство от ужасной действительности, он вообразил, что он испанский король. Но та же беспощадная действительность расшибла вдребезги эту легенду леденящей жестокостью. И вновь изобретательный мозг больного представил защитную спасительную картину инквизиции, где он, герой – король, мужественно переносил все испытания. Да, он теперь уж не маленький чиновник, человек – трус. Он герой – король, но жестокость персонала психиатрической больницы была невыносима и привела нашего героя к кратковременной ремиссии, в которой он взмолился: «Матушка, спаси твоего бедного сына. Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат его! Прижми ко груди своей бедного сиротку!» [4: 253]. И читатель на несколько минут обрадовался, думая, что герой выздоровел, но Поприщин произносит финальную бредовую фразу, содержащую шизофренический неологизм: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка» [4: 253]. И читатель понимает, что болезнь, отчаяние и безысходность вернулись.

Возможно, яркое, блестящее вербальное раскрытие особенностей шизофрении в проанализированном произведении осуществилось не только ввиду того, что Н. В. Гоголь гениальный писатель, но, возможно, и потому, что по свидетельству психиатра В. Ф. Чижга [21], Н. В. Гоголь был болен именно шизофренией. В повести детально и всесторонне вербально охарактеризованы основные симптомы шизофрении: бред, мания величия, психологические защиты фантазирования, вытеснения, бегства от реальности.

Еще одно блестящее произведение, посвященное вербальной характеристике шизофрении – это повесть А. П. Чехова «Палата №6», которое мы проанализируем ниже. А. П. Чехов так описывает своих героев, обитателей палаты №6: «В комнате стоят кровати, привинченные к полу. На них сидят и лежат люди в синих больничных

халатах и по – старинному в колпаках. Это сумасшедшие» [20: 216]. Что касается их происхождения. Четверо – мещане, один благородного звания. Это Иван Дмитриевич Громов, мужчина лет тридцати трех. Он находится в больнице 12 – 15 лет, по словам автора, и страдает шизофренией, точнее манией преследования. Заболевание проявилось неожиданно в день, когда он шел на работу и увидел арестантов, которых сопровождали конвоиры. Он это видел почти каждый день. Но именно в этот день его охватило страшное предчувствие, что его также могут арестовать и отвести в тюрьму. С этой минуты страх его не покидал и стал навязчивым состоянием, несмотря на то, что он пытался убедить себя, что за ним нет никакой вины и арестовать его не за что. Но он всех подозревал в том, что они следят за ним. Даже квартирная хозяйка, казалось ему, следит за ним. И он спрятался от нее в погреб, откуда был извлечен и отправлен в психиатрическую больницу доктором Рагиным Андреем Ефимовичем. В больнице мания преследования не исчезла и продолжала, свидетельствовать о заболевании шизофренией параноидной формы. Часто, как и в данном случае, причиной тяжелых психических расстройств являются психотравмирующие ситуации. У отца Громова, зажиточного чиновника, было два сына: Сергей и Иван. Сергей заболел скоротечной чахоткой и умер. Эта смерть как бы послужила началом целого ряда несчастий, которые вдруг посыпались на семью Громовых. Через неделю после похорон Сергея старик отец был отдан под суд за подлоги и растраты и вскоре умер в тюремной больнице от тифа. Дом и вся недвижимость были проданы с молотка, а Иван Дмитриевич с матерью остались без всяких средств к существованию. После смерти отца Ивану Дмитриевичу пришлось зарабатывать деньги, обучаясь в Петербургском университете и давая грошовые уроки, посылать почти весь заработок матери на пропитание. Вскоре мать умерла, это был еще один стресс. Его последующая работа в школе по протекции также принесла ему разочарование: он не смог успешно обучать детей, не нравился руководству и ученикам. Полгода он был безработным, питаясь только хлебом и водой, затем «поступил в судебные пристава». Эту должность занимал до тех пор, пока не был уволен по болезни. При этом надо отметить, что работа не нравилась ему и вызывала раздражение и отвращение. Поэтому можно сделать вывод о том, что постоянная цепь стрессов и разочарований привели к психическому заболеванию, которое усугубилось также его личностными особенностями: во всем он видел

одни лишь недостатки: «Все люди живут бессмысленно, разнообразя жизнь лишь насилием и развратом, подлецы сыты и одеты, а честные люди питаются крохами» [20: 220]. Он вообще не видел ничего положительного в людях. Он ни разу не был влюблен. «Несмотря на резкость его суждений его любили и ласково за глаза называли Ваней ввиду деликатности, нравственной чистоты, поношенного сюртука и болезненного вида. Нравилась его образованность, начитанность. По мнению горожан, он был чем – то вроде ходячего справочного словаря» [20: 220].

Громов не спал ночами, думая, что его могут арестовать, заковать и посадить в тюрьму. Он постоянно про себя повторял пословицу: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся» и до больницы и во время нахождения в ней. Эта навязчивая мысль усилила в нем подозрительность, все окружающие казались ему «шпионами и сыщиками». Но он улыбался и насвистывал, изображая равнодушные, чтобы «шпионы» не думали, что его о чем – то мучает совесть. Даже интересная, в начале понравившаяся ему беседа с доктором Рагиным в итоге привела его к выводу, что доктор – шпион, который хочет выудить из него какие – то сведения, поэтому Громов резко прекратил общение и отвернулся к стене, спиной к врачу.

Врачи прописали ему лекарства, но они не помогли. Мания преследования усиливалась. Надо отметить, что в больнице не только лечение было безрезультатным. Атмосфера была страшной: больных обворовывали, морили голодом, была жуткая грязь в палатах и во всей больнице. Санитар Никита жестоко избивал больных. Доктор Рагин, заведующий больницей, на все перечисленные безобразия не обращал внимания, больных посещал очень редко, профессию свою не любил, а с утра до вечера дома читал художественную литературу. Это было его единственным наслаждением [20]. Земская управа добавила в больницу еще одного врача Хоботова, первой мыслью которого было желание занять место Рагина, поэтому Хоботов, увидев, что Рагин начал почти ежедневно навещать больного Громова и услышав их умные беседы, сделал вывод, что Рагин психически болен. Хоботов доложил руководству, Рагин был уволен и насильно госпитализирован в палату №6, будучи психически здоров.

На просьбу доктора Рагина выйти во двор на несколько минут из палаты №6 санитар Никита ответил сильным избиением врача, Доктор Рагин испытывал угрызения совести. Он впервые понял преступность своего равнодушия к больным и безобразиям в больнице, он понял, как страда-

ли больные в течение десятилетий, он понял, как они были неправы перед жестокостью, непрофессиональностью и безнравственностью лечения в больнице. Это потрясло его. Доктор Рагин умер от апоплексического удара (инсульта) через несколько дней пребывания в палате №6.

Будучи социально устремленной личностью, Чехов, поехал на Сахалин, где убедился в такой же несправности заключенных и бесперспективности их жизни. Чехов осознал необходимость социальных преобразований не только в больницах, но и во всей России, что он затем раскрыл в повести «Остров Сахалин» и в пьесах.

Что касается вербальной характеристики психоза, он прекрасно раскрывается в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр». Героиня романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» Берта Мейсон страдала наследственным психозом, болезнь прогрессировала. Её родственники обманули Эдварда Рочестера, женив его на Берте Мейсон. Они скрыли её заболевание, так как вначале симптомы не были заметны, но затем во время брака они проявились все сильнее и сильнее, героиня становилась агрессивнее и дементивнее, потеряв полностью эмоциональный, волевой и интеллектуальный контроль, охваченная звериной ненавистью, она неоднократно пыталась поджечь комнату мужа, когда он в ней находился. В итоге она подожгла дом, где жили вместе с мужем. И, бросившись с крыши дома, совершила самоубийство.

Ш. Бронте часто подчеркивает безумие героини перед смертью, сравнивая её со зверем: «Она бегала по комнате на четвереньках, - у неё были – красные глаза навывкат, грива взерошенных волос», она набрасывалась на людей, часто рычала.

He lifted the hangings from the wall, uncovering the second door: this, too, he opened... In the deep shade, at the end of the room, a figure ran backwards and forwards. What it was, whether a *beast* or a *human being*, one could not, at first sight tell: it *growled*, seemingly on all fours; it *snatched* and *growled like some strange wild animal*: but it was covered with clothing, and a quantity of dark, grizzled hair, wild as mane, hid its head and face...

“Ware!” cried Grace. The three gentlemen retreated simultaneously. Mr. Rochester flung me behind him: the *lunatic* sprang and *grappled his throat* viciously, and *laid her teeth on his cheek*: they struggled... At last he mastered her arms; Grace Poole gave him a cord, and he pinioned them behind her: with more rope, which was at hand, he bound her to a chair. [25: 258-259].

«... Он раздвинул гобелены на стене, под которыми оказалась вторая дверь. Он ее также от-

крыл... в дальнем темном углу комнаты какое-то существо бегало взад и вперед. Сначала трудно было даже разобрать, человек это или животное. Оно бегало на четвереньках, рычало и фыркало, точно какой-то диковинный зверь. Но на нем было женское платье; масса черных седеющих волос, подобно спутанной гриве, закрывала лицо страшного существа...

«Берегитесь!» - крикнула Грейс.

Три джентльмена одновременно отступили. Мистер Рочестер загородил меня собой. Сумасшедшая сделала прыжок и вцепилась ему в горло и впилась зубами в щеку: завязалась борьба... наконец, ему удалось схватить ее за локти. Грейс Пул дала ему веревку, и он связал руки безумной за спиной, другой веревкой он привязал ее к стулу». [1: 318].

Очень частотное безумие Берты Мейсон характеризуется вербально следующими языковыми единицами.

1. *Laugh like a hyena* – пронзительно, визгливо хохотать, гоготать (словно гиена).
2. *Wander in one's mind* – бредить.
3. *Double Dutch* – (разг.) тарабарщина, галиматья

Следующим, частотным характеризующим в художественной литературе психическим заболеванием, является эпилепсия. Она ярко и образно вербально охарактеризована в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Глубина раскрытия особенностей заболевания тесно связана с тем, что Ф. М. Достоевский страдал эпилепсией. К достоинствам романа следует также отнести попытку автора решить многовековую морально – этическую проблему, какой должна быть сверхнормативная личность: «Тварью дрожащей или Наполеоном». «Мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...» [6: 448]. Родион Раскольников, герой произведения, совершает убийство. Следователи при рассмотрении приговора отмечают, что: «Болезненное и бедственное состояние преступника до свершения преступления не подвергалось ни малейшему сомнению» [6: 572].

Страшная бедность Р. Раскольникова подчеркивается также и в письме матери: «Что было со мною, когда я узнала, что ты уже несколько месяцев оставил университет за неимением чем содержать себя» [6: 35].

Автор ярко описывает болезненную смену настроений героя при чтении письма матери, свидетельствующую о наличии эпилепсии:

«Лицо его было мокро от слез; но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная злая улыбка змеилась по его губам» [6: 45]. Далее автор детально описывает состояние, предшествующее приступу эпилепсии: «Нервная дрожь перешла в какую – то лихорадочную; он чувствовал даже озноб; на такой жаре ему становилось холодно. Как бы с усилием, начал он, почти бессознательно, по какой – то внутренней необходимости всматриваться во все встречавшиеся предметы, как будто ища усиленно развлечения, но это плохо удавалось ему, и он поминутно впадал в задумчивость» [6: 60].

Ярко описаны также и болезненные сны Раскольникова: «В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенной выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны и с такими тонкими, неожиданными, но художественно соответствующими всей полноте картины подробностями, что их не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев. Такие сны, болезненные сны всегда долго помнятся и производят сильное впечатление на расстроенный и уже возбужденный организм человека». [6: 61]

«Вдруг далеко, шагов за двести от него, в конце улицы, различил он толпу, говор, крики... Замелькал среди улицы огонек. «Что это такое?» Раскольников поворотил вправо и пошел на толпу. Он точно цеплялся за все и холодно усмехнулся, подумав это, потому что уж наверно решил про контору и твердо знал, что сейчас все кончится». [6: 188]

Для эпилептиков типичны импульсивные поступки с негативными отказными реакциями героев, как объяснение в любви с Дуняшей: «Я Вас помню и люблю» сопровождается отказными реакциями: «Оставьте меня одного! Я так решил еще прежде... А теперь, когда любите меня, откажитесь... Иначе я Вас возненавижу, я чувствую... Прощайте!» [6: 333].

Подъемы настроений и энергий могут сменяться депрессиями и апатией у эпилептиков. «Даже тоска прошла, ни следа давешней энергии, когда он из дому вышел, с тем «чтобы все кончить!» Полная апатия заступила её место» [6: 84].

Д. Е. Мелехов, известный психиатр, пишет: «Очень поучительным примером врожденной наследственной эпилепсии является болезнь Ф.М. Достоевского: гениальный писатель страдал ею с 15 лет... Это была относительно благоприятная

по течению форма смешанной эпилепсии с редкими припадками, благодаря чему он до конца жизни сохранил творческие способности, хотя и страдал значительными Дефектами памяти. Заболевание дало обострение в студенческие годы, а затем в период суда, смертного приговора, каторги и солдатской службы...» [11: 402].

«Больной гений! Всю сознательную жизнь борющийся с болезнью и преодолевающий её! Это находит отражение в дневниках Достоевского и его жены, в изданных его воспоминаниях и письмах, и в творчестве. Гениальность, конечно, не болезнь. Но болезнь гения – является фактом большой художественной и духовной значимости, в особенности у Достоевского. Все его герои в их противоречивости и двойственности отражают его личный опыт, его удивительную, прекрасную и жестокую судьбу» [11: 406].

В связи с этими мыслями вспоминается утверждение Поля де Крюи из его романа «Борьба с безумием»: «Высокий ум безумию сосед, границы твердой между ними нет». Судьба гениев очень сложна: их не понимает общество, потому что они не желают ему приспособляться, поэтому посредственные представители власти мстят им. Гению ничего не остается как изливать свою душу в своих произведениях, это способствует катарсису – «омовению души после трагедии», возрождает радость и вдохновение, способствует личностному росту.

Проанализированные выше произведения гениальных писателей, раскрывающих внутренний мир деструктивной душевнобольной личности, вызывают к нам, и требуют, что бы мы сделали достойные и актуальные выводы: беречь человека, ведь его душа очень ранима и хрупка. Все герои проанализированных произведений заболели душевными заболеваниями и некоторые даже умерли ввиду черствости, жестокости и равнодушия макро и микросоциума, ввиду своей недостаточной стрессоустойчивости, но вспомните Джека Фергюсона, героя романа Поля де Крюи «Борьба с безумием». Он, психиатр, перенес психическое заболевание, лечился в психиатрической больнице, испытал все адские условия, как и герои Чехова и Гоголя, но выдержал, улучшил своё здоровье и вернулся работать психиатром в психиатрическую больницу. Он стал после страданий значительно выше, как духовно - лично, так и профессионально. Его очень полюбили врачи и душевнобольные. Он излечивал их «нежной любовной заботой» и самыми лучшими медицинскими средствами [26]. «Нежная духовная забота» - один из важнейших факторов повышения эффективности лечения душевно-

больных. Но лечение душевнобольных связано и с другими проблемами. В восьмидесятые годы двадцатого века Россия была исключена из Международной независимой ассоциации врачей – психиатров. Это было ввиду того, что академик Снежневский А. В, будучи главным психиатром СССР, допустил, что тех, кто был против политики государства, признавали больными шизофренией, лишали демократических свобод и прав, увольняли с работы, не брали на работу, насильно лечили в психиатрических больницах, запрещали голодовку, ссылали в лагеря, тюрьмы. В девяностые годы НИИ судебной психиатрии имени Сербского, где содержались и насильственно лечились анти – советски настроенные психически больные с искусственным диагнозом, придуманным А. В. Снежневским, был переименован в институт социальной психиатрии, который возглавила министр здравоохранения Дмитриева. В настоящее время скорректированы лекарства, которые выполняли роль «химической смирительной рубашки», такие, как аминазин, который имел сильные побочные действия, разрушающее психику. Сейчас применяется артан и другие лекарства, усмиряющие больных, но не разрушающие их психику, они добиваются «охранительного торможения» по И. П. Павлову. Это называется «новой эрой психофармакологии».

Необходимо также отметить, что современная отечественная психиатрия в основном пользуется классификацией психических заболеваний по нозологическому принципу, выделяя, например, также психические болезни, как шизофрения, эпилепсия, токсические психозы (алкоголизм, наркомания); МДП (маниакально – депрессивный психоз) и др.

С одной стороны, такая классификация способствует более точной постановке диагноза, однако, она вызывает свойственной отечественной психиатрии «нозологический догматизм», состоящий в том, что в погоне за нозологическим диагнозом отечественные психиатры видят в каждом случае шизофренический психоз и избыточно ставят диагноз шизофрении, за что и подвергаются справедливой критике зарубежными психиатрами, которые предпочитают синдромологическую оценку диагноза, которые выявляет разные стороны болезни, объединенные одним диагнозом. Например, для зарубежных авторов возможна постановка таких диагнозов, как «истеро - эпилепсия», «шизо - эпилепсия», что в наших условиях неприемлемо из – за номенклатурной погони за унифицированным диагнозом, т. е. диагнозом, содержащим одну болезнь, но содержательно этот диагноз раскрыт различными

синдромами. Например, шизо – эпилепсия современной психиатрией в России и зарубежом может выражаться органическим психосиндромом. Другой синдром, например, астенический, может быть проявлением различных нозологических заболеваний: и шизофренией, и эпилепсией и опухолью мозга. Чтобы этого не было, целесообразней пользоваться зарубежной классификацией, которая гибко использует и нозологический диагноз, соответствующий ему синдром.

В тоже время это позволяет отечественной психиатрии сохранять своё достоинство и лицо, не злоупотребляя избыточной постановкой шизофренического диагноза и объективно фиксируя клиническую картину болезни.

Относительно выводов о вербальной характеристике деструктивной душевнобольной личности хотелось бы отметить следующее. Исследование и изучение ЛЕ и ФЕ, представляющих концепт деструктивной личности, помогает более глубоко раскрыть это концепт, если он изучен в единстве лингвистического, психологического, психиатрического и литературоведческого аспектов. В этом случае удастся более системно вскрыть закономерности вербальной характеристики личностных деструктивных изменений, например, представленные в начале статьи ЛЕ и ФЕ, характеризующие названия болезней и их симптомов, в процессе описания жизнедеятельности героев художественной литературы, помогли, раскрыть закономерности течения заболеваний и их последствий. Например, мания величия как типичная черта шизофрении у Поприщина раскрывается при помощи фантастического описания с использованием неологизмов: «Мартебря», «Алжирский дей», и др., а также герой видит себя в роли короля Испании. Мания преследования Громова, характеризуется вербально – реальными образами «тюрьма», «арестант», «конвой» и при пословицы: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся».

Психоз Берты Мейсон характеризует её полную деменцию, агрессию, деградацию, отсутствие контроля. Её сравнивают со зверем.

В единстве лингвистического и психологического аспектов ярко, всесторонне и глубоко охарактеризована эпилепсия Родиона Раскольникова, все этапы и особенности заболевания, психологические защиты и симптомы. Деструктивное фантазирование во время припадка, агрессия во время убийства и другие реакции помогли диагностировать заболевания и понять идею всего произведения, всех выше проанализированных творений: «нежная, любовная забота» и грамотность помогут улучшить состояние больных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман / Пер. с англ. В Станевич – М: Художественная литература 1989 – 422с.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки - 2001 - № 1. - С. 64-72
3. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. // Проблемы структурной лингвистики, 1971: Сб. – М.,1972 - 13-17с.
4. Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Петербургские повести – М: АСТ: Апрель: АСТ, Москва, 2010. – с. 223 – 253
5. Гоголь Н. В. Портрет том 3 М: изд – во Правда, 1984 – 335с.
6. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. – М: Эксма, 2005 – 592с.
7. Звягинцев В. А. Семасиология. – М.: МГУ, 1957-320с.
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика.- М: Эдиториал УРСС, 2000- 520с.
9. Кунин А. В. «Курс фразеологии современного английского языка».- Дубна: Феникс +, 2005- 488с.
10. Кунин А. В. Большой Англо-русский фразеологический словарь.- М: Рус. яз.- Медиа, 2005- 1210с.
11. Мелехов Д. Е. Психиатрия и проблема духовной жизни // Экспедиция в гениальность – М.: Новь, 1999 – С. 402 - 407.
12. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь.- 3-е изд., перераб. – М.: Флинта, 2003 -320с.
13. Прохоров А.М (главный редактор). Большая Советская Энциклопедия. Изд-е 3. Т.8. М., Советская Энциклопедия, 1972- 592 с.
14. Снежневский А. В. Общая психопатология: Курс лекций. 3- изд.- М.: Медпресс- информ, 2006- 208 с.
15. Снежневский А.В. Руководство по психиатрии. Т.1.М.: Медицина, 1983 -480 с.
16. Снежневский А.В. Руководство по психиатрии. Т.2.М.: Медицина, 1983- 544с.
17. Тиганов А.С, Снежневский А. В., Орловская Д.Д и др. Руководство по психиатрии. В 2 томах. Т.1/ Под. Ред. Тиганова А.С.- Медицина, 1999- 712с.
18. Большая Советская Энциклопедия БСЭ том 8, стр.137, третье издание Москва. Изд-во «Советская энциклопедия», 1972
19. Чалкова Е. Г. Основы иноязычной личностно- ориентированной фразеосемантики, Дисс...- докт. филол. наук - М, 1999- 328с.
20. Чехов А.П. Палата №6.// Повести и рассказы. – М: Мир книги, литература 2008 – с. 216 - 252
21. Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя. Записки психиатра. – М: Республика, 2001 – 512 с.
22. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973- 278с.
23. Шостром Эверетт. Человек-манипулятор - внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. Пер. Данченко В. – М. Апрель Пресс, 2002- 192 с.
24. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М: Наука ,1974- 264с.
25. Bronte Ch. Jane Eyre – England: Worldsworth classics, 1992 – 404p.
26. De Kruif P. A Man Against Insanity – NY 1957 – 231 p.

P. Borisov

VERBAL DESCRIPTION DESTRUCTIVE PERSONALITY CONCEPT

Abstract. The article is dedicated to the destructive personality concept verbal description problems in fiction. The semantic fields characterizing diseases peculiarities, their process and consequences are described in the article in connection with the personality structure. The author also reveals the peculiarities of the interconnection of the verbal characteristic personality destructive changes in the scientific psychiatric literature and in fiction. P. M. Borisov describes the writer's personality influence on his characters' verbal personality description. In the article we can also find the information about the remarkable psychiatric researches dedicated to the most talented writers suffering mental diseases in the interconnection with their characters' verbal description.

Key words: linguistics, psycholinguistics, fiction, psychiatry, concept, destructive personality, semantic field, verbal description.